

«За СССР выявляется лик истрадавшей России»

Письма В.И.Вернадского детям

Слова, вынесенные в заголовок, кажутся написанными вчера, между тем им почти 80 лет и принадлежат они выдающемуся ученому, академику Владимиру Ивановичу Вернадскому (1863–1945). Как и миллионы его современников, он был принужден революцией и эпохой испытать все ужасы политического беженства и необходимость делать нравственный и политический выбор – возвращаться в Советскую Россию или стать эмигрантом. Этот вопрос особенно зримо встал перед ученым во время его пребывания во Франции в 1922–1925 гг., когда была продумана, записана и частично опубликована основная часть работ, заложивших фундамент «биосферного» видения мира¹ и современного экологического мышления.

Природа мыслительного процесса удивительно непредсказуема, и история науки знает немало примеров, когда, казалось бы, самые мучительные социальные условия стимулировали создание выдающихся научных произведений. Из какого сора вырастает новая концепция или открытие, нередко помогают понять совсем не научные документы – дневники, эпистолярный, рисунки ученого.

Большая часть архивного наследия Вернадского находится в Москве (Архив РАН и Государственный архив Российской Федерации); ряд материалов остался на Украине (Институт рукописей Центральной научной библиотеки им.В.И.Вернадского Национальной академии наук Украины); наконец, обширное собрание документов Вернадского осело в США, в составе личного фонда его сына Г.В.Вернадского в Бахметевском архиве русской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета в Нью-Йорке.

Разбросанные по городам и весям, архивы Вернадского совокупно образуют единое документальное пространство, которое позволяет по-настоящему, шаг за шагом проследить направление поисков ученого – от момента интуитивного зарождения идей до нахождения их окончательных формулировок.

Широкий круг проблем, волновавших Вернадского в середине 20-х годов, – научных, исторических, политических, религиозных и т.д., объединенных задачей самоидентификации личности в условиях крушения старых ценностных ориентиров, – только намечен в недавно опубликованных дневниках Вернадского за 1921–1925 гг.², но зато детально отражен в его переписке французского периода с детьми, жившими в это время в Чехословакии. В отличие от отца дети Вернадского – сын, известный историк Георгий Владимирович Вернадский (1887–1978)³, и дочь, врач-психиатр Нина Владимировна Толль (1898–1986)⁴, так никогда и не приняли революционных изменений в России и остались в эмиграции: несколько лет жили в Чехословакии, а затем в США, где провели всю оставшуюся жизнь. Фактически еженедельные письма ученого детям представляют собой параллельные дневники и дают богатейшую информацию как обо всех сторонах его жизни и творчества во французский период, так и об эволюции его научного мировоззрения и политических взглядов в послеоктябрьскую эпоху в целом⁵.

В журнальной публикации невозможно полноценно прокомментировать содержательное и фактологическое богатство писем. Здесь отмечу только то, что главная тема переписки – БОЛЬШАЯ ИСТОРИЯ, проецируемая как на постреволюционные события в России, так и на личную судьбу корреспондентов. Письма наглядно показывают, как после 1917 г. и гражданской войны разошлись подходы «отцов и детей» русского либерализма к оценке прошлого и будущего пути России. Если для Вернадского-старшего история человечества – это прежде всего история идей и идейной борьбы, значение и смысл которых определяются в конечном итоге выявлением личностного начала в культуре, то Вернадский-младший, один из идеологов евразийства, смотрел на историю существенно иначе, сквозь православно-конфес-

сиональную рамку. «Пусть другие занимаются сладенькой интернациональщиной, восторгаются достижениями чужими, — писал он в 1925 г. — Нам нужно свое». Не случайно первая евразийская статья Г.В.Вернадского, которая детально обсуждается его отцом в публикуемом письме от 9 июня 1923 г., — «Соединение церквей» в исторической действительности», — посвящена необходимости защиты православных духовных ценностей от латинства. Однако в отличие от многих других семей российской интеллигенции, изнутри расколотых мировоззренческими конфликтами, «иное» не развело Вернадских. В пространстве независимого мышления всегда находится место иному взгляду.

Публикуемые здесь письма Вернадского издаются впервые⁶. В них полностью сохранены авторские стилистические особенности, в том числе инверсии и недописанные выражения. Работа с материалами семьи Вернадских в США стала возможна благодаря гранту Программы Фулбрайт (США).

© Публикация и примечания кандидата исторических наук
Сорокиной М.Ю., 2004

¹ Подробнее об этом периоде жизни Вернадского см.: *Аксенов Г.П.* Вернадский. М., 2000; *Колчинский Э.И., Козулина А.В.* Время выбора: почему В.И.Вернадский вернулся в Советскую Россию? // *Вопр. истории естествознания и техники.* 1998. №3. С.3—25; *Сорокина М.Ю.* «Аймек Гуарузим» — Fondation Rozenthal // *Евреи России — иммигранты Франции.* М.; Париж; Иерусалим, 2000. С.35—68; *Сорокина М.Ю.* Вернадский в Париже, или О чем академик говорил с Анри Бергсоном // В.И.Вернадский и современность: Материалы торжеств, заседания, посвящ. 140-летию со дня рождения акад. В.И.Вернадского (1863—1945). М., 2003. С.211—220; *Юшкевич А.П., Янишина Ф.Т.* В.И.Вернадский и ученые Франции // *Вопр. истории естествознания и техники.* 1991. №2. С.80—91 и др.

² Вернадский В.И. Дневники: март 1921 — август 1925 / Сост. В.П.Волков. М., 1998.

³ О его судьбе см.: *Вандалковская М.Г.* Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». М., 1998; *Козляков В.Н.* «Это только персонификация не нашего понимания исторического процесса...»: (Георгий Владимирович Вернадский (1887—1973) и его «Очерки по русской историографии») // *Георгий Вернадский. Рус. историография.* М., 1998. С.5—26; *Он же.* Обзор коллекции документов Г.В.Вернадского в Бахметевском архиве Библиотеки Колумбийского университета в Нью-Йорке // Там же. С.395—444; *Сорокина М.Ю.* Георгий Вернадский в поисках «русской идеи» // *Рос. науч. эмиграция: двадцать портретов.* М., 2001. С.330—347; «Очень горько мне...»: Письма Георгия Вернадского / Публ. М.Сорокиной // *Источник.* 1999. №1. С.45—56; *Балховитинов Н.Н.* Жизнь и деятельность Г.В.Вернадского (1887—1973) и его архив // *Slavic Research Center Occasional Papers.* №82. Sapporo, Slavic Research Center Hokkaido University, 2002 и др.

⁴ В годы гражданской войны жила с родителями на Украине. С 1922 г. в Чехословакии, окончила медицинский факультет Пражского Карлова университета. В 1926 г. вышла замуж за археолога Н.П.Толля. В 1939 г. они переехали в США, где в 1940—1953 гг. работала в психиатрической клинике под Бостоном.

⁵ Часть переписки Вернадских опубликована. См.: [Письма сыну] // *Родина.* 1990. №7. С.84—86; Письма сыну и дочери / Публ. подг. Д.Холлоуэй, В.Я.Френкель, И.И.Мочалов // *Вестн. РАН.* 1990. №12. С.123—133; «Я сделал все, что мог...» / Публ. И.И.Мочалова, В.Я.Френкеля и Д.Холлоуэя // *Вопр. истории естествознания и техники.* 1994. №1. С.105—113; «Я смотрю в будущее по-прежнему оптимистично...» / Публ. И.И.Мочалова, В.Я.Френкеля и Д.Холлоуэя // *Вопр. истории естествознания и техники.* 1993. №4. С.56—66; 1994. №2. С.98—106; *Сорокина М.Ю.* Week-end в Болшево, или Еще раз «вольные» письма академика В.И.Вернадского // *Минувшее.* Ист. альм. Вып.23. СПб., 1998. С.295—344.

⁶ Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture. Columbia University. George Vernadsky Coll., Box 12 и 228. Отдельные незначительные фрагменты опубликованы нами ранее. См.: *Сорокина М.Ю.* Соблазн тоталитаризмом // *Столич. новости* (Киев). 1998, 17—24 марта. С.14—15.

Г.В.ВЕРНАДСКОМУ

9.VI.1923. Paris 7, Rue Toullier¹

Дорогой мой,

что же вы с Ниночкой² ничего не делаете для поручения Елиз. Дм. [Ревуцкой]³! Мне ужасно советно перед ней: она столько мне делает, а между тем ведь вы в прекрасных условиях жизни по сравнению с петербургскими, и нельзя об этом забывать. Я и деньги послал и ни с места. А главное ведь надо справку⁴, только справку. У меня какое-то неприятное чувство в связи с этим: мы забываем других, жизнь которых тяжела... Очень прошу, посмотри на это поручение как на дело, а не как навязанную затею. Конечно, для дела всегда можно найти

время. Я писал ей, извиняясь, что поручил это вам, но мне неприятно теперь, что я не взял как-нибудь это на себя и что не послал Гинзбургу⁵ в Берлин, хотя Е.Д. отчего-то Гинзбургу не хотела поручать... Вспомни одно — там (в СССР. — М.С.) всякая присылка книг — есть облегчение в тяжелых моральных условиях жизни... Из рассказов И.П.Павлова⁶, который с сыном едет в Америку и Англию, видно, что улучшения нет. И новое: преподаватели и доценты слушают курсы азбуки коммунизма⁷ и сдают экзамен! Сейчас я читаю книгу Шпета⁸ — Историю русской философии — она очень интересна, интересна и по основе: беспощадной критике генезиса русской интеллигенции и революционного тумана. Удивительно, как она прошла цензуру, которая там свирепствует, — издана в России.

Твою статью в сборнике прочел сейчас же⁹. Мне хочется тебе высказать ряд заключений и недоумений, которые она во мне вызвала. Меня поразило материалистическое обоснование происходившего; из твоей статьи получается впечатление, что основными пружинами были политические расчеты византийцев и других политических деятелей и злостные стремления к власти пап¹⁰. Но если даже они воспользовались идейным течением — то ведь было все-таки и идейное течение! А оно исчезло в твоём изложении — идея единения церковей все-таки великая идея — но ее истории у тебя нет и ее деятелей в твоей статье не видно. Неужели их не было? Мне очень трудно, может быть, это видеть, т.к. я не христианин, но даже с христианской точки зрения разделение церковей величайшее зло... Я все-таки думаю, что искреннее, глубоко религиозное активное искание единения было и есть и оно творило унию по существу. В частности, у меня сомнения, чтобы такие люди, как Скарга¹¹ и Виссарион¹² были только политиками, руководились только корыстными или узко теократическими целями... С другой стороны, в твоей статье исчезло необходимое беспристрастие: если ты говоришь о гонениях и преследованиях православных, которыми достигалась уния¹³, и упоминаешь о воссоединении XIX в., то нельзя скрывать пути — того же преследования и гонения униатов, — каким было достигнуто это «воссоединение». Роль казачества, о которой ты пишешь, несомненно, верна, но едва ли сейчас можно представлять все это течение так, как это принято. Это было вроде большевизма, течение, уничтожавшее старую западнорусскую и украинскую культуру. Это была варваризация жизни вроде теперешней, и, вероятно, так же, как тогда, создастся новый, менее культурный класс привилегированных. Принятие католичества — была победа высшей культуры, а уния — сохраняла национальность, задерживала полонизацию. Мне кажется, Кулиш¹⁴ был более прав по отношению к казачеству, чем Соловьев или Костомаров. Сейчас очень любопытна — и с точки зрения современности — точка зрения украинца-поляка Липинского¹⁵. Знаешь ли ты ее? Его книга о Б.Хмельницком имеет значение и в структуре полонофильской идеологии современных украинских кругов, которым, может быть, история дает, к сожалению, известную силу. Я не чувствую в твоей статье научного свободного проникновения во всем объеме в понимание явления. Или я ошибаюсь, и двигателями унии являлись только политические и теократические расчеты? Стати, мелкая частность — отдача церковей евреям как общий факт, о котором ты пишешь, — кажется, легенда?

Для меня — смотря со стороны — искания единения, унии — является проявлением жизни той великой духовной ценности, какой является христианство, буквенная или догматическая защита его разделений — элементом его умирания в сво-

бодном мире человеческой личности, для охраны и поднятия которой оно столько сделало.

Пишу утром — надо уходить. Мне хочется тебе написать и о другом: о моем возвращении временно в Россию и о здешних делах. Но об этом в другом письме: время терпит.

Я совсем не согласен с твоим взглядом на то, что это может тебя связывать. Но я хотел тебе сказать — подумай о том, что я обещал вернуться и это обещание есть глубокое проявление моей личности, которое может не быть проявлено только внешними обстоятельствами. Их я не вижу. Об этом я еще напишу.

Что касается общественно-политической деятельности эмиграции — она мне представляется ненужной и печальной. Корней в России нет: там идет свой процесс. Задача эмиграции: подготовка личностей и работа научная и культурная. Ведь можно свалить большевиков — вне идущего процесса рассасывания (не эволюции) — только силой — силой физической. Деятельность Национального и др. комитетов, которые эту силу не организуют, — едва ли имеет большее значение, чем научная, студенческая и профессорская деятельность с точки зрения русской. Оставь ею заниматься тем, которые не имеют другого, более ценного и большого, чем имеешь в своей научной, педагогической и религиозной работе ты. Ну, до другого раза.

Нежно целую. Нинусе на днях пишу. Страшно рад, что она выдержала в академию. В Цюрихе не поехал, т.к. явились сомнения в связи с немецко-французскими запросами.

Горячо любящий отец.

¹ Улица в Латинском квартале.

² Здесь и далее Ниночка, Нинуса — дочь Вернадского.

³ Ревуцкая Елизавета Дмитриевна (1867—1942) — минералог, ученица и ближайшая сотрудница Вернадского в течение многих лет.

⁴ Здесь и далее все подчеркивания принадлежат В.И.Вернадскому.

⁵ Гинзбург Илья Исаакович (1882—1965) — геохимик и минералог, сотрудник Постоянной комиссии для изучения природных богатств Украины. В 1922 г. эмигрировал в Германию, в 1925 г. вернулся в СССР и работал в учреждениях АН СССР.

⁶ Павлов Иван Петрович (1849—1936) — физиолог, академик Петербургской АН (1907), лауреат Нобелевской премии (1904).

⁷ Вернадский всегда писал слово «коммунизм» с одним «м», как это и предусматривала орфографическая норма его времени.

⁸ Шпет Густав Густавович (1879—1937) — философ, преподавал в Московском университете (1909—1918). Репрессирован по делу сотрудников и составителей Большого немецко-русского словаря (см.: Шпет в Сибири: ссылка и гибель. Томск, 1997). Точное название его монографии «Очерк развития русской философии» (Пг., 1922. Ч.1).

⁹ См.: *Вернадский Г.В.* «Соединение церковей» в исторической действительности // Россия и латинство. Берлин, 1923. С.80—120. Статья посвящена исторической судьбе проблемы разделения «греко-русской» (православной) и «римско-католической» церковей (1054 г.), а также неоднократным попыткам воссоединения (унии) церковей на условиях признания православной церковью главенства папы римского при сохранении ею своих обрядов и богослужения на родном языке. Недавно

С дочерью Ниной. Прага.
Примерно 1935 г.

статья Вернадского републикована с предисловием Н.Е.Сони-чевой. См.: Вопр. истории. 1994. №7. С.155—174.

¹⁰ Имеются в виду попытки объединения церквей, предпринятые со стороны Византии не церковью, а императорами (например, Михаилом VIII Палеологом в 1274 г.), рассчитывавшими на поддержку папства в своих внешнеполитических акциях.

¹¹ Скарга Павенский, Петр (1536—1612) — польский политический деятель, ксендз-иезуит; один из инициаторов Брестской унии (1596).

¹² Виссарий, архиепископ Никейский (1403—1472) — один из наиболее видных церковно-политических и литературных деятелей XV в., сторонник соединения православной и католической церквей.

¹³ Имеется в виду введение Ужгородской унии (1649) насильственными методами в Закарпатье, а также создание на территории современных Украины и Белоруссии униатской церкви при главенстве католической церкви. С конца XVII в. Россия имела право защиты православных в Речи Посполитой и неоднократно протестовала против передачи православных церквей униатской церкви. После окончательного раздела Польши, с 30-х гг. XIX в., началась ликвидация униатской церкви в Российской империи, сопровождавшаяся в свою очередь репрессиями среди украинских националистов-униатов и католиков.

¹⁴ Кулиш Пантелеймон Александрович (1819—1897) — украинский фольклорист, историк, писатель, общественный деятель, представитель культурно-этнографической школы, один из основателей Кирилло-Мефодиевского братства, весьма критически оценивал деятельность Богдана Хмельницкого и массовые казачьи выступления, выдвигая на первый план культурную миссию польской шляхты на Украине; Соловьев Сергей Михайлович (1820—1879) — известный русский историк, автор многотомной «Истории России с древнейших времен», представитель государственной школы; Костомаров Николай Иванович (1817—1885) — украинский историк, этнограф, писатель, публицист, член-корреспондент Петербургской АН (1876), представитель культурно-этнографической школы; по его мнению, важнейшую роль в борьбе украинского народа против Речи Посполитой сыграло именно казачество, воскрешавшее традиции вечаевой вольности.

¹⁵ Липинский Вячеслав Казимирович (1882—1931) — историк, социолог, философ, посол Украинской Державы в Австро-Венгрии. В эмиграции один из инициаторов создания и идеолог «гетманской» партии — Украинский союз хліборобів-державників.

Н.В.ВЕРНАДСКОЙ

10.VI.1923. Paris 7, Rue Toullier

Дорогое мое, бесценное дитя, ужасно мы с мамой рады, что ты выдержала академию. Ты знаешь, что я не придаю никакого значения внешней оценке — важна своя внутренняя, — ты занималась, и это хорошо и достаточно.

Сейчас едем с мамой в Медон¹ смотреть квартиру — будем искать где-нибудь и здесь в Passy² и т.п. Я думаю, что обстоятельства складываются так, что дальше конца ноября не удастся остаться за границей.

Числа 18—20 уезжаем на три недели, на месяц в Bourbon-Lancy³. Я думаю — и очень хочу — в сентябре проехать в Англию. И здесь масса работы с моими книгами; не знаю, как справлюсь...

Сейчас видим многих приезжих — И.П.Павлова, Тарасевича, Чистовича, Заболотного, Любименко...⁴ Получается яркая картина жизни там, тяжелой, но полной. Выхода не видно. Ясно одно, что эмиграция здесь — не имеет никаких корней там. Она будет приспособляться, но она не будет строить жизнь. Идеология царя, особенно Романовых, далекое прошлое, и эти вопросы, реальные здесь, там не живут.

Я считаю, что сейчас и вопрос о церкви получает новое направление: «живая церковь» — с традиционным подострастием православия перед властью — сейчас победила⁵. Церкви, ей подчиненные, так же переполнены, как были раньше. Стихийное религиозное чувство как-то не считается с рамками церквей, и я думаю, что если это так, то и будет соответствующий результат. Неужели расколом от блока русского народа окажется здешняя эмигрантская церковь, как это думал Дм. Ив. [Шаховской]⁶, считавший ее своего рода

«живую церковь», тоже государственной Петровского времени?

Я писал вчера Георгию о поручении Ел. Дм. [Ревуцкой]. Мне очень жаль, что я вам поручил это дело, но мне казалось, что можно найти время для его исполнения. Первое, что необходимо, и сколько месяцев вы это делаете, — это узнать стоимость книг. Сейчас уже я не могу поручить это другим. А здесь немецкие книги получаются через Голландию и очень дорого. Попробую сделать это через Берлин — но тогда напишите, что вы этого не сделаете. Может быть, сделаем так, что я спишусь с Фридендером в Берлине и постараюсь перевести ему деньги, если вы этого не можете сделать в Праге. Но мне нужен от вас ответ. По существу, я считаю, что вы не правы в этом деле...

Я подал заявление в Академию о продлении командировки до 15 XI. Иначе нельзя сохранить квартиру. Как я уже много раз говорил и писал, для меня слово мое — не бумажка, и в этом сложном положении я не хочу ничем усложнять положение Академии Наук, которая мне дорога и которую я считаю одним из крупнейших ценностей русских и крупных ценностей человеческих. А она поддерживается только волей, авторитетом и активностью ее членов. Жить в рабей обстановке России отвратительно, но жить эмигрантом тоже не сладко. Порывать же со своим народом сейчас для меня поздно, хотя право этого для каждой личности я вполне признаю.

Я считаю великой обязанностью с русской точки зрения получение образования русской молодежи в тех нормальных условиях, в каких ты работаешь. В России это образование все больше разрушается: шпионаж, падение морального и умственного уровня среды — ужасны. Царят низкие группы населения, поддерживаемые циничными *do ut des*⁷, «товарищами», и в буквальном и в переносном смысле следят, и всякий более свободный выбор находится под контролем комячейки (80% евреев). Держат стипендиями и т.д. И Чистович, и Павлов рассказывают очень тяжелые вещи. С другой стороны, в Петрограде сейчас очень развивается научная работа, и Павлов говорит, что у него переполнена лаборатория, впервые они работают хорошо. Среди молодежи много и очень способных. Все профессора говорят о напряженной работе молодежи — но это все «старая» молодежь. Вышел сборник статей Павлова.

Успенский⁸ будет в Константинополе — верно, временно туда едет и официальный представитель Кристи⁹. Вопрос идет о русском институте в Константинополе. Н[аталья] Э[растовна]¹⁰, по видимому, остается из-за недостатка средств.

Получил очень милое письмо от Колесникова и его литографированный отчет Украинского Университета¹¹. Ужасно, что украинское движение так отрезано от русского! Я думаю, что это самый основной вопрос. Неужели Киев будет под Поль-

шей? Я думаю, что безумная политика русская (главным образом эмигрантская) может к этому привести. При неизбежной гибели большевизма будет идти распадение России, если власть не останется в руках советских без коммунизма, что едва ли. «Рассасывание» болезни может привести к отделению частей.

Георгий писал о каких-то здешних начинаниях. Я думаю, что беспочвенная фанфаронада. Если что-нибудь и начнется — то лишь местные выступления с развалом целого.

Ну, целую тебя крепко, мою родную. Сейчас с мамой идем к Жангилям¹² (их дочь выходит замуж), пообедаем у А.В.[Гольштейн]¹³.

Нежно обнимаю. Горячо любящий отец.

¹ Пригород Парижа; здесь Вернадские останавливались в 1889 г., а в годы эмиграции жили многие русские ученые — С.И.Метальников, Н.И.Андрусов и др.

² Район Парижа, где жили многие знаменитые русские политические эмигранты (И.Фондаминский, Д.С.Мережковский и З.Гиппиус и др.).

³ Курорт, богатый сернистыми источниками, примерно в 350 км к юго-западу от Парижа. Вернадские здесь жили на Villa du Rocher.

⁴ Тарасевич Лев Александрович (1868—1927) — микробиолог, председатель Ученого медицинского совета Наркомздрава СССР (1918—1927), директор Государственного научного института им.Пастера, один из основателей и первых редакторов журнала «Природа»; Чистович Федор Яковлевич (1870—1942) — патологоанатом, профессор Казанского университета (с 1909) и Ленинградского института усовершенствования врачей (с 1921); Заболотный Даниил Кириллович (1866—1929) — эпидемиолог, академик и президент АН УССР (1928—1929), академик АН СССР (1929); Любименко Владимир Николаевич (1873—1937) — ботаник, чл.-кор. РАН (1922) и академик АН УССР (1929).

⁵ Имеется в виду одна из организаций, представлявших обновленческий раскол в Русской православной церкви, возникший в пореволюционные годы.

⁶ Шаховской Дмитрий Иванович (1861—1939) — историк, публицист, исследователь творчества П.Я.Чаадаева. Один из основателей кадетской партии; член ее ЦК. Министр государственного призрения Временного правительства. Ближайший друг Вернадского со студенческих лет.

⁷ Даю, чтобы и ты мне дал (*лат.*).

⁸ Успенский Федор Иванович (1845—1928) — историк-византист, академик Петербургской АН (1900) и директор ее Константинопольского историко-археологического института.

⁹ Кристи Михаил Петрович (1875—1956) — уполномоченный Наркомпроса в Петрограде (1918—1926).

¹⁰ Жена Ф.И.Успенского.

¹¹ Украинские государственные университеты в Киеве и Каменец-Подольске были открыты 6 и 22 октября 1918 г.

¹² Жангиль Луи (1868—1925) — французский минералог; активно содействовал научной работе Вернадского во Франции.

¹³ Гольштейн Александра Васильевна (1850—1937) — более пятидесяти лет близкий друг Вернадских. Известная общественная деятельница, бакунистка и переводчица, она первой познакомила русских читателей с книгой Анри Бергсона «Материя и память». С дореволюционных лет жила в Париже. Приехав в июле 1922 г., Вернадские сначала остановились у А.В.Гольштейн в самом центре Парижа — на 75, Rue de la Tour — Башенной улице в районе Пасси. Подробнее см.: История полувековой дружбы / Публ. А.С.Тюрина и А.А.Сергеева // Минувшее. Ист. альм. Вып.18. М.; СПб., 1995. С.353—425.

Н.В.ВЕРНАДСКОЙ

11.XII.1923

Мое драгоценное дитя — все время я думаю о тебе и хочу тебе писать — но никак не слажу с временем. Мысленно пишу тебе о том, о другом — и это переживание становится для меня реальным, и я забываю, что я только хотел писать тебе. Возможно, что будущие люди будут не писать, а общаться мыслью через расстояния, смогут сделать известной свою мысль близким созвучною... Но мы еще до этого не дошли.

Твое письмо об Украине дошло; оно очень интересно. Я смотрю очень тревожно на украинорусские отношения — думаю, что русские совершенно не понимают происшедшего и изменения и возрождения. В нашем прошлом были такие элементы, которые не нашли себе места в современном (и царском) русском строе и ничем сейчас не могут быть уничтожены. Я считаю законными стремления украинцев-самостийников — но думаю, что Украина вполне самостоятельная, учитывая все, не может существовать; ее вхождение в Польшу (хотя бы федерации) приведет к ее поглощению Польшей, ее принадлежность к большому государству — России — ее прямой интерес. Однако в его пределах она должна иметь тахитим самостоятельности. Мое различие с украинцами заключается в том, что их якобинско-централистический идеал мне столь же чужд, как и централистический идеал русских¹. Историю последних веков не вычеркнешь, и Новороссия — да и Слободская Украина и исторически и этнически не связаны тесно с Киевом. Может быть, выход — штаты. Все зависит от будущего хода истории «Союза советских республик». Я очень сочувствую твоему участию в украинско-русском кружке. Было бы хорошо иметь личное общение с угроруссами². Рад всякой весточке об украинорусских отношениях.

Иногда мне жаль, что я так ушел от русско-украинских отношений. Но в мои годы — в относительно, а может быть, и совсем немногие годы моей оставшейся жизни — мне хочется закончить кое-что из моей научной и философской работы. Особенно теперь, в эпоху таких великих достижений человеческой мысли, какие мы переживаем.

Меня огорчило то, что ты пишешь об Академии. Огорчило, что ты не сознаешь как будто, что нельзя из-за политиканства забывать человеческую личность. Неужели ты могла подумать — а тем более сказать, — что Сергей [Ольденбург]³ согласится купить существование Академии бесчестным поступком? Разве ты не понимаешь, что то, что отделяет нас от большевиков — есть уважение и признание примата человеческой личности. Для меня — и для Сергея — человеческая личность и человеческое достоинство — есть основной элемент существования. Думать — и поверить, что Сергей может согласиться сохранить Академию путем вы-

Карта района Парижа, где Вернадские жили в 1922–1925 гг. В кружке — Rue Toullier.

бора Зиновьева почетным членом⁴, — показывает твоё полное неуважение — совершенно незаслуженное — к Сергею. Это есть настоящее влияние большевизма: цель оправдывает средства. Твои «совершенно достоверные» сведения совершенно недостоверны — очередная правая или левая клевета. И ты должна разбираться в этом; моральный уровень — в политических вопросах — очень понизился — как всегда в междоусобиях — с обеих сторон. То, что ты пишешь об Академии как о факте есть желание, проекты большевиков, до сих пор удачно отражаемые Сергеем и другими.

Я считаю, что, стоя на точке зрения примата человеческого достоинства и человеческой личности, можно остаться вне большевистского влияния, и многие в России меньше поддаются этому, чем находящиеся здесь. Разве ты не чувствуешь, что у А.В.[Гольштейн] много точек соприкосновения с большевизмом — в аморализме средств борьбы, признании убийства, цели, оправдывающей средства — гораздо больше, чем у Сергея.

По отношению ко мне ты должна понять одно: для меня мое слово и мое отношение к друзьям — основа моей личности. Я не хотел бы работать в тяжелых условиях большевистской жизни, т.к. мне противно насилие и рабство — но я должен туда весною приехать. Как-нибудь я тебе напишу подробнее о моральной основе моей жизни. Это большие вопросы, которые, я знаю, — и это мне в тебе дорого — ты не забываешь.

То, что ты пишешь о Народном Университете, меня огорчает: насколько я знаю об этом — я считаю «борьбу» Георгия с этим⁵ большой ошибкой

Хасмегше

Георгий Владимирович Вернадский.

и вредом для русской культуры: это вода на советскую мельницу. Думаю, что был на правильной точке зрения в этом деле Новгородцев⁶ (и, по-видимому, Кизеветтер⁷).

Головин⁸ — как ученый мне неизвестен. Говорили, очень хороший специалист (окулист). Он в университетской жизни был ставленником Кассо⁹ и проводил его политику — с другой стороны, то же, что делают — еще много циничнее и грубее — большевики. Но, думаю, морально эти течения близки.

Моя работа идет очень хорошо — но медленно. Сильно двинул и «Минералогию»¹⁰, печатаемую в Петрограде. Если добиваться организации биогеохимической лаборатории здесь — надо, может быть, стать французским гражданином. Об этом я сейчас думаю — но это между нами.

Мы послали тебе деньги: ты сама решишь, как быть с комнатой.

Горячо тебя, бесконечно любимую, обнимаю. Любящий отец.

¹ Подробнее об отношении Вернадского к вопросу украинской государственности см.: *Гирич И.* Між російським і українським берегами. Володимир Вернадський і національне питання

(у світлі щоденника 1917—1921 років) // *Mapra Mundi*. Зб. наук. праць на пошану Я. Дашкевича з нагоди його 70-річчя. Львів; Київ; Нью-Йорк, 1996. С.735—756; *Сорокина М.Ю.* Россия и Украина в научном наследии В.И.Вернадского: исторические судьбы славянства // *Науч. наследие В.И.Вернадского в контексте глобал. проблем цивилизации*. М., 2001. С.118—131.

² Угорская Русь — историческое название Закарпатской Украины, бывшей с конца XI в. под властью Венгрии.

³ Ольденбург Сергей Федорович (1863—1934) — один из ближайших друзей В.И.Вернадского со студенческих времен; востоковед-индолог. Академик и неперемный секретарь АН (1904—1929). Член ЦК кадетской партии, министр народного просвещения Временного правительства. Директор Азиатского музея — Института востоковедения АН СССР (1916—1934).

⁴ Председатель Ленсовета и Исполкома Коминтерна Григорий Ефимович Зиновьев (1883—1936) никогда не избирался почетным членом АН. Здесь передается слух, ходивший среди эмиграции.

⁵ По-видимому, речь идет о противодействии Георгия Вернадского планам создания Русского народного (свободного) университета в Праге под организационным патронажем МИД Чехословакии.

⁶ Новгородцев Павел Иванович (1866—1924) — философ, профессор Московского университета, член ЦК кадетской партии. С 1921 г. в эмиграции, жил в Чехословакии, где создал Русский юридический факультет и стал его деканом.

⁷ Кизеветтер Александр Александрович (1866—1933) — историк, профессор Московского университета; член ЦК кадетской партии. После эмиграции жил в Чехословакии.

⁸ Известный офтальмолог, профессор Новороссийского университета.

⁹ Кассо Лев Аристидович (1865—1914) — министр народного просвещения (1911—1914). Считалось, что своей административной карьерой он был обязан поддержке правых — В.М.Пуришкевича, Крупенского и др., а также родственными связям с женой премьер-министра П.А.Столыпина.

¹⁰ Имеется в виду «История минералов земной коры» (Л., 1927).

Н.В.ВЕРНАДСКОЙ

3 июня 1924 г. [Париж].

Мое драгоценное дитя — вчера нас порадовало твое письмо. Я так жду свиданий с тобой. Мне хочется тебя услышать, почувствовать тенденции твоей мысли и твоих чувств. Но я не могу откладывать до свидания той беседы, которая у нас началась в письмах, — оценки того сложного положения, в котором сейчас находится ищущий правды человек в русском движении. Иногда в письме легче фиксировать мысль, потерявши раз нить, не всегда легко к ней вернуться.

Я очень глубоко чувствую неправильность твоей оценки положения и твоего представления о том, что делается в России и вне России, в русской эмиграции. Твое отношение к белому движению, к социализму, к коммунизму рисуется мне не отвечающим действительности, и та логическая сеть, в которую ты ее облакаешь, кажется мне химеричной.

Пока ты остаешься в изложении твоих переживаний и чувствований, ты вольна как птица — но раз ты выступаешь в логическом обосновании твоих суждений, законы неумолимой логики становятся для тебя обязательными. Это то, что объ-

единяет людей, дает возможность взаимного понимания.

Я хочу набросать тебе мои впечатления от твоих суждений. Я признаю, что в белом движении были и есть идейные единицы, как ты говоришь, лучшей русской молодежи. Мое ухо режет эта последняя («лучшая») оценка, т.к. в ней есть элемент гордыни, не оправданной результатами, — но я беру ее, как ты ее даешь.

Ты ценишь этих людей по их душевным намерениям и желаниям — а не по результатам их поступков. Цени так же, тем же способом и других — социалистов и красных. Ты этого не делаешь. Их ты судишь по результатам их поступков. Что будет, если по результатам ценить белых?

Когда ты говоришь, что идеал социализма «хорошо покусать», «свинское благополучие», — это результат применения, крушения жизнью идеала. Идеал, за который гибли люди, тот идеал, с которым надо сравнивать, — идеал белой молодежи, конечно, не в этом, и люди отдавали свои жизни не за это. Идеал белого движения, приведший к гражданской войне, не есть гражданская война — это чувство свободы личности, идеал свободной, большой, сильной России. Идеал социализма не есть свинское благополучие — он вырос из любви и сострадания к человеку, является результатом негодования и боли закрепощения одних другими, за построение благополучия немногих на страданиях многих. В основе социализма лежит любовь к людям и желание братства, стремление дать всем возможность пользоваться духовными благами жизни. Материальные блага не есть цель — это необходимая основа. Как необходимая основа белых — могущественная, свободная Россия.

Я всегда считал — а теперь тем более — социализм неверным по существу. Но я не могу не признать, что это великое течение, основанное на братстве людей и на любви, проникнутое желанием помочь угнетенным и несчастным, дать возможным всем пользоваться духовными благами жизни без истязания одних другими...

И несомненно, такие идеально чистые люди всегда были и есть среди всех социалистических течений, в том числе и в коммунизме. И мы знаем, как много из них пережило сейчас в России трагическую развязку своих стремлений — имели слабость, но и глубокое несчастье — покончить жизнь самоубийством из-за противоречия идеалов и жизни.

И в белом патриотическом русском движении и в социалистически-коммунистическом есть одна общая черта, которая одинаковым образом оказала свое пагубное влияние, — оправдание убийства и войны, со всеми их неизбежными последствиями.

И на обоих — не на единицах, а на массах — это по существу аморальное допущение сказалось в разрушении основ их идеалов.

Нина Владимировна Вернадская (в замужестве Толль).

Я смотрю на социализм — в его применении и выражении — как на огромную опасность для будущего человечества. Сейчас это самый страшный враг свободы личности и ее развития. Но я не могу отрицать, что не будь этих идей, положение масс в нашем капиталистическом строе — низов, рабочих, крестьян — было бы безумно тяжелым. Не выдумка надрывающий труд до 16–20 часов, гибель детей на фабриках, порабощение в грубых формах, нечеловеческое отношение одних к другим, как к животным (европейское, а не индийское). Страх перед массами, охваченными социалистическими идеалами, их реальное значение на окружающую жизнь, несомненно, сказалось и сказывается на улучшении их материального и духовного положений...

Жизнь сложна, и человеческие схемы несовершенны. Улучшившие свое положение части низов давят оставшихся. Но это явилось следствием того, что другие формы социального улучшения — как формы религий, в частности, христианских церквей, — не оказались достаточно живыми.

Сейчас социализм, охвативший массы, есть большая сила, регулирующая тягости жизни. Сумеет ли христианство, буддизм, мусульманство

и другие великие религии сместить его или нет — покажет будущее. Его сила и опасные стороны его победы как будто вновь поднимают моральную действенную силу религий...

В твоём письме меня поражает и другое. Неужели в России только одни коммунисты? Неужели за пределами коммунистов и белых все остальное не существует?

Мне кажется, сейчас настоящая сила будущего именно в этой массе — в тех, которые стоят и стояли вне гражданской войны. Гражданская война есть одно из величайших преступлений и величайших ошибок. Начали красные, вызвали белых — обе стороны создали страшную психологию и совершили неистощимые бездны преступлений и страданий. Конечно, красные взяли в этом рекорд — но это общая психология и общее несчастье.

Я не знаю, подымется ли скоро из этого хаоса Россия. Но я уверен, что настоящими создателями её будущего будут те, которые сойдут с этого пути или которые на него не вступали.

И я думаю, что среди них сейчас по всей России находится множество идейно чистых, «лучших» людей. Они есть и за кордоном и в пределах страны. Когда ты так просто, схематично рисуешь себе происходящее — мне кажется, ты строишь иллюзии и живешь вне реальности.

Нельзя забывать еще одного факта, который начинает все более проявляться последнее время в сознании окружающих. В белом движении, несомненно, помимо желания, был элемент, противоречащий его основе: помощь иностранцев, конечно, преследовала — в общем, а не в отдельных случаях — не благо России и стояла в противоречии идеалам России. И это сознание глубоко проникло в мнение многих в России. Что есть настоящий патриотизм? И правильно ли было течение, которое опиралось на помощь чужих, преследовавших цели разрушения русского могущества и русского государства?

Сейчас в России тот же субстрат, охраняющий ее основу, находится в глубоком противоречии и в каждодневном столкновении с интернационализмом коммунистов. За СССР выявляется лик истрадавшей России. Удастся ли ей сбросить с себя ужасную охватившую ее удушающую сеть?

Может быть, в этом постепенном рассасывании организмом внешних инородных удушающих новообразований и в превращении их в научные и полезные формы — идет сейчас исторический процесс.

Главные ее деятели в России — и ее спасение, если среди них есть достаточно «лучших» людей. Им тяжело и мучительно — но в них основа спасения.

Вот надо кончать, но мне хотелось набросать тебе, моя бесконечно любимая, эти мысли. Выразить их как следует не смог.

Вечно любящий.

Г.В.Вернадскому

15 июня 1924 г. Париж

Мой дорогой — сегодня мы получили твои письма. Мне хочется тебе написать несколько слов, чтобы тебе сказать, что я очень сильно чувствую твою большую и нежную любовь к нам, и вместе с тем высказать некоторое беспокойство в связи с возможным твоим будущим.

Обстоятельства складываются так, что, может быть, нам с мамой не придется вернуться в Петроград. У меня нет полной уверенности, что я правильно поступил и не подвел в той или иной форме моих друзей, тем более, что я чрезвычайно высоко ценю их самоотверженную работу и думаю, что они делают самое нужное дело. Мне иногда кажется, что я должен был бы поехать в мае в Россию. Во всяком случае, я, когда обращался за продлением командировки, не хотел рвать с Россией и не хотел стать эмигрантом. Это может явиться лишь невольным, нежелательным для меня следствием стечения обстоятельств.

Но если бы это случилось, для меня было бы величайшим ударом и огромным горем, если бы это каким бы то ни было образом отразилось на твоей научной работе. Я не могу допустить и не хочу, чтобы ты для лучшей постановки жизни нашей бросил научную работу и перешел к той тяжелой жизни из-за заработка, какой живет сейчас русская эмиграция¹. Я считаю, что ты должен стремиться делать максимальную научную работу и думаю, что сейчас это то, что может и должна делать русская интеллигенция за границей. Знай и имей в виду, что если я каким-нибудь образом буду способствовать такому изменению твоей судьбы, например, переезду в Париж для зарабатывания и помощи нашей жизни — это будет для меня огромным ударом, и я себе этого никогда не прощу.

Поэтому, сознавая всю твою любовь, я с ужасом и болью читал об этих твоих планах.

Если мне действительно придется перейти на эмигрантское положение — если здоровье не выдаст — для моей жизни, которая близится к концу, — я найду возможности. Между прочим, может быть, для следующего 1925-6 года можно будет устроиться в чешском университете в Праге — может быть, буду об этом списываться со Славиком². На ближайшее будущее России я смотрю очень мрачно и не знаю, смог ли бы я там остаться, если бы туда поехал. Буду пытаться добиваться дальнейших возможностей и в Америке — но все это очень, конечно, гадательно. Пока положение обеспечено на год — но не закрыта возможность и еще годового продления субсидии фонда³.

О Польском восстании 1830-го года; я, конечно, не считаю его правильным, и лояльные к России поляки того времени (из той же шляхты, вроде Губе и массы других) и Велепольский⁴ и К⁵ пе-

ред 1863 были правы — как мы видим теперь. Всегда в истории виноваты побежденные, которые погубили больше, чем было бы потеряно, если бы они не начинали вооруженную борьбу. То же самое сейчас и «белые». Несомненно, следствием их неудачного восстания явилось укрепление советской власти и культурное разорение России. История не прощает движение белых как барское или помещичье или как контрреволюционное. Это делают публицисты. Твоя фраза о польском восстании 1830 года⁵ именно этим режет ухо — т.к. это не факт, а оценка.

Я с большим удовольствием прочел твои статьи в пражском сборнике. Он мне нужен вообще. В нем интересная (но не талантливая) статья Флоровского об Академии⁶. Твоя статья о Пушкине⁷ мне очень понравилась, и она хорошо написана и передается средю. Ты не ответил мне, знаешь ли книгу Анцыферова о душе Петербурга⁸ — там для тебя данные о Медном Всаднике и вообще есть интересное? Твои две другие мелкие заметки⁹ тоже интересны.

Но я боюсь, что ты все разбрасываешься. Это ничего, когда ведешь одновременно большое. Надо непременно не откладывать его, а начинать сейчас же, что бы ни было в будущем. Будущее неизвестно, но оно строится стремлением человека в значительной мере. Если этого стремления нет — оно иное. И вот я хочу, чтобы у тебя это стремление было, и огорчен, что вот уже 2 года ты не собираешься его иметь.

Знаешь — верно ли ты сделал, что вышел из того кружка прав[ославного], о котором говорил. Вот ты осуждаешь Булгакова¹⁰ — но ведь ты отошел и не взял на себя ответственности быть активным и влиятельным в такие моменты... Большевики берут активностью и инициативой и волевым устремлением. Этого волевого устремления нет в русской эмиграции — совсем нет! Я не считаю волевым устремлением ни организационной работы, ни бесчисленных дряг. Мне кажется сейчас вся политическая деятельность хороших людей и умных, как Карташев или Семенов¹¹, именно от этого отсутствия активной волевой политики наступления потерпела полное фиаско.

Я был как-то на одной лекции Лосского¹², излагавшего о боге — как «ничто», т.е. не выражаемом нашими словами, образами, строем мышления. И я почувствовал известное оправдание философским исканиям в рамках религии. По существу и философия, как и наука, не могут терпеть извне устанавливаемых рамок. Но создание таких течений философских исканий имеет огромное значение для углубления религиозного настроения и для развития мысли. И сейчас мы наблюдаем два аналогичных, любопытных течения в христианстве, может быть, более важных и глубоких, чем мы думаем, — неотомизм, а в последнее время

здесь и в Италии неофранцисканство, так или иначе связанные с философией и мистикой католичества, и новую русскую философию в рамках православия. Их углубление и рост может иметь огромное значение для развития и силы верующей личности, т.к. они приводят в согласие с верой для этих верующих людей то, что обычно в жизни подрывает и религиозное чувство, и религиозное искание, и веру, и церковь как собрание верующих. Верующая личность может стать сильнее неверующей.

Но по существу мне представляется базис этих построений — христианской религии — недостаточно широким без углубления самой веры. Такая же работа, очевидно, возрождается и в великих религиях и философиях Востока. В Академическом отчете, который я тебе пришло, интересная речь Щербатского о научных достижениях Индии¹³.

Крепко и горячо обнимаю. Любящий тебя отец.

¹ См. в письме Г.В.Вернадского отцу 11 июня 1924 г.: «Грустно и досадно на себя, что я пошел по другой дороге и не могу быть тебе помощником. Может быть, мне надо все бросить и идти тебе помогать — сперва механически, а через несколько лет я уже и начал бы более сознательно разбираться? Может быть, это и надо мне сделать делом жизни? — надо устроиваться в Париже?» (BAR. G.Vernadsky Coll. Box 84).

² Славик (Slavik) Франтишек (1876—1957) — чешский геолог, член Чехословацкой АН, директор Минералогического института Пражского университета.

³ Имеется в виду Fondation Rosenthal — Фонд Розенталя, субсидируемый Леонардом Михайловичем Розенталем (1877—1955) — выходцем из России, французским предпринимателем, «королем жемчуга». Вернадский получил первый грант Фонда на исследование живого вещества. Подробнее см.: *Сорокина М.Ю.* «Аймек Гуарузим» — Fondation Rosenthal // Евреи России — иммигранты Франции. М.; Париж; Иерусалим, 2000. С.35—68.

⁴ Губе Ромуальд Михайлович (1803—1890) — польский историк-юрист, занимался ревизией польских законов, несовершенством которых объяснял восстание 1830 г.; Велепольский Александр, маркиз (1803—1877) — польский государственный деятель, сторонник подавления польского национально-освободительного революционного движения.

⁵ См.: *Вернадский Г.В.* Очерк истории права русского государства XVIII—XIX вв. (период Империи). Прага, 1924.

⁶ Флоровский Антоний Васильевич (1884—1968) — историк-славист, возглавлял историко-филологическое отделение Русской учебной коллегии в Праге (1923—1930), работал также в Карловом университете. См. его статью: Академия наук и Законодательная комиссия 1767—1774 гг. // Учен. зап. Рус. учеб. коллегии в Праге. Т.1. 1924. С.103—176.

⁷ Пушкин как историк // Учен. зап. Рус. учеб. коллегии в Праге. Т.1. 1924. С.61—79.

⁸ *Анцыферов Н.П.* Душа Петербурга. Пг., 1922.

⁹ См.: *Вернадский Г.В.* Заметки о крестьянской общине в Византии // Учен. зап. Рус. учеб. коллегии в Праге. Т.1. 1924. С.81—97; *Он же.* Об одном возможном источнике Русской Правды // Там же. С.99—101.

¹⁰ Булгаков Сергей Николаевич (1871—1944) — экономист, религиозный философ. В июне 1918 г. принял духовный сан и ушел из Московского университета; с июля в Крыму, профессор политэкономии и богословия Таврического университета; после прихода Красной Армии протоиерей ялтинского собора. В 1922 г. выслан из России. Преподавал в Праге и Париже.

Георгий Владимирович Вернадский на вокзале в Нью-Хэйвене (США). 25 января 1930 г. Публикуется впервые (АРАН. Ф.518).

¹¹ Карташев Антон Владимирович (1875—1960) — богослов, историк церкви, церковный и общественный деятель. С 1919 в эмиграции: председатель Русского национального комитета в Финляндии (затем в Париже), один из основателей и профессоров Свято-Сергиевского Богословского института в Париже (1925—1960); Семенов Юлий Федорович (1873—1947) — литератор, в эмиграции редактор «Возрождения» (Париж), зять А.В.Гольштейн.

¹² Лосский Николай Онуфриевич (1870—1965) — философ, в 1922 г. выслан из России, жил в Праге, с 1945 — в Париже, с 1946 — в США.

¹³ Щербатской Федор Ипполитович (1866—1942) — востоковед, индолог, академик РАН (1918). Его речь «О научных достижениях древней Индии» см.: Отчет о деятельности Российской Академии наук за 1923 год. Л., 1924. С.1—24. О влиянии индийской философии на мировоззрение Вернадского см. в примечаниях Я.В.Василькова к публикации «Встреча Востока и Запада в научной деятельности Ф.И.Щербатского», помещенной в сборнике «Восток—Запад: Исследования. Переводы. Публикации» (М., 1989. Вып.4. С.210—211). Часть переписки Вернадского и Щербатского опубликована. См.: *Росов ВА. В.И.Вернадский и русские востоковеды. Мысли—Источники—Письма*. СПб., 1993. С.53—70.

Г.В.ВЕРНАДСКОМУ

1 августа 1924 г. Париж. 7, Rue Toullier

Мой дорогой — я отвечаю тебе на каждое письмо, и если ты не получал моих писем 2 месяца, как пишешь, виноват сам — не писал. Мне так дорого всегда знать твою духовную жизнь, твою работу и твои искания — но этого я мало вижу в твоих письмах это время. И для меня неясно, что ты делаешь, над чем работаешь.

Не знаю, хорошо ли делаешь, если переедешь в Прагу¹ — тебе виднее, но думаю, что это отвлечет от научной работы. А сейчас в духовном творчестве и духовном подъеме и будущее России, да и человечества...

Деньги fondation Rosenthal я получу в начале сентября. Сегодня закрылась лаборатория Кюри². Моя работа приостановилась до середины сентября, и вот нежелание опять ее прерывать заставляет меня колебаться приехать в Прагу. Сейчас я работаю над запиской о состоянии наших знаний о химическом составе живого вещества³ и над обработкой, в сущности писанием вновь, моей «Минералогии», которая печатается в Петрограде.

Кстати, она как раз печатается по новой орфографии и, как видишь, того «вопроса», который ты ставишь, — для меня нет⁴. Мне этот «вопрос» не кажется вообще важным, и я с грустью смотрю, как из-за него спорят в такой большой, трагический момент. Ты это мое мнение знаешь. Я думаю, что люди вообще не должны уходить в маленькое, и экономия мысли — большое дело. Надо думать о главном, о большом. В этом отношении, чуждый православия, я с радостью слежу за твоими христианскими восприятиями — но с грустью смотрю на занятия мелочами, трату тобой драгоценного времени и энергии и мысли. Предоставь это Кульманам⁵ и не вноси новых распрей: и без того — к удовольствию настоящих врагов — все кругом ссорятся. Новиков⁶ говорил мне, что эти издания печатаются по новому правописанию, и я ничего против этого не имею. Кстати, его какая-то статья в новом предполагаемом общеславянском зоологическом органе будет (как, кажется, и все другие статьи) печататься латинским шрифтом по-русски. Тучан⁷ из Загреба мне пишет по-русски латиницей. Белорусы давно употребляют этот шрифт.

Я читаю сейчас «Дневник Пушкина», изданный Модзалевским, — главным образом мелкие примечания Модзалевского⁸. Переносят в старый русский, навсегда исчезнувший быт. Я думаю, тебя эта книга должна заинтересовать — есть она у тебя или в Праге?

Не могу сказать, чтобы я был рад твоей статье — речи о Кондакове⁹: едва ли ты можешь быть здесь авторитетным судьей. Меня с этой точки зрения смущает и предложение прочесть об Андрусове¹⁰: но я все же работал раньше по геологии, наконец, я старик и пишу, если это сделаю, о ста-

Французский меценат Леонард Михайлович Розенталь (1877—1955). Публикуется впервые. Из собрания госпожи Николь Ландау (Франция).

Дворец Розенталя на ул.Рюсдаль (парк Монсо, Париж). Современный вид.
Фото М.Ю.Сорокиной

ром товарище¹¹. Боюсь, как бы ты не попал в ложное положение. Подумай.

Я нисколько не сомневаюсь, что евразийцы (кстати, в Индии так называют метисов англичан) хорошие и, может быть, интересные люди — но они плохие мыслители — с неясной головой, с религиозно-философскими априориями, но самое главное — скучные и неживые, по статьям своим¹². А как надо сейчас другого! Удивительна бледность сейчас печатаемого и здесь, и в России. Я, впрочем, не знаю новых работ Франка и Бердяева (кроме 1-го № «Софии»)¹³, но старые их работы мне чужды.

Нежно и горячо тебя обнимаю.
Любящий тебя отец.

¹¹ Г.В.Вернадский жил в это время в Збраславе.

¹² Имеется в виду лаборатория в Радиевом институте, возглавлявшемся Марией Кюри, где Вернадский проводил исследования радиоактивных минералов.

³ Sur la representation de la composition chimique de la matière vivante // Compte rendu hebdomadaire des séances de l'Académie des Sciences. P., 1924. T.179. P.1215—1217.

⁴ Георгий Вернадский, как и многие в эмиграции, был сторонником издания научных работ по старой орфографии.

⁵ Кульман Николай Карлович (1871—1940) — филолог, литературовед, профессор Императорского Женского педагогического института (СПб.), работал в орфографической подкомиссии Академической комиссии по русскому правописанию.

⁶ Новиков Михаил Михайлович (1876—1966) — биолог, профессор Московского университета, в эмиграции жил в Чехословакии, США.

⁷ Тучан Фран — минералог и петрограф, профессор Загребского университета, председатель Хорватского общества естествознания.

⁸ Считается, что издание «Пушкин. Дневник 1833—35» (М., 1923) было своего рода венцом научной деятельности известного пушкиниста, археографа, архивоведа и генеалога Бориса Львовича Модзалевского (1874—1928).

⁹ Как известно, Г.В.Вернадский был активным участником и одним из организаторов знаменитого Кондаковского семинария в Праге, позднее переросшего в институт. Семинарий был назван по имени его идейного вдохновителя — Никодима Павло-

вича Кондакова (1844—1925) — историка византийского и древнерусского искусства, археолога, академика (1898). Профессор Новороссийского (1877) и Петербургского университетов (1888), Кондаков в 1920-м эмигрировал, читал курс средневекового искусства и культуры Восточной Европы в Софийском университете (1920—1922) и Карловом в Праге (1922—1925). На III съезде русских академических групп в Праге, 25 сентября 1924 г., в день его открытия, Г.В.Вернадский выступил с речью «О значении научной деятельности Н.П.Кондакова. К 80-летию со дня рождения, 1844 — 1 ноября 1924». Издана отдельной брошюрой в Праге в 1924 г.

¹⁰ Андрусов Николай Иванович (1861—1924) — геолог и палеонтолог, академик Петербургской АН (1914) и АН УССР (1920).

¹¹ Такая статья написана не была.

¹² Отношение Вернадского к евразийцам было типичным для представителей его поколения и его круга. Ср. реакцию патриархов российского либерализма; Ф.И.Родичев — И.И.Петрункевичу 29 сентября 1925 г.: «Мне прислали Евразийский временник — поистине плод помешательства. Георгий Вернадский — некогда пламенный кадет (правда, при Врангеле заведовал печатью), славит Александра Невского, который поклонился татарскому хану и положил начало наследию Московского царства, и не одобряет рыцарственного Даниила Галицкого, который не мирился с татарским игом, искал поддержки папы — и за это поплатилась Вольвь латинским пленением... И книжка прекрасно напечатана — большие деньги. Кто-то дал на издание сего бреда...» (BAR. Rodichev family Coll. B.10).

¹³ Франк Семен Людвигович (1877—1950) — философ, профессор Московского университета, выслан в 1922 г., в эмиграции в Германии (до 1937), Франции (до 1945), Англии; Бердяев Николай Александрович (1874—1948) — философ, в 1922 г. выслан из России, профессор Религиозно-богословской академии в Париже.

Г.В.ВЕРНАДСКОМУ

13 октября 1924 г.
Bourg la Reine (Seine).
4 Rue du Chemine de fer¹

Дорогой мой,
получил и твое письмо о съезде, и №№ «Руля»², и книжку Кондакова, и перевод твоей статьи. Очень благодарю и очень рад, что съезд прошел хорошо. Что бы ни было в конце концов с Россией, все спасение в производительной творческой работе.

Я очень рад, что ты выступил и что, с другой стороны, переходишь на более далекие — а главное, более крупные события русской истории. То, что ты начал критику конструкции русской истории XIX века³ — под влиянием текущих событий, — меня очень радует, и нападки трафаретных публицистов вроде Изгоева⁴ не имеют никакого значения. Ведь так или иначе ясно, что сейчас выявилось то, что было скрыто, и стало видным, что именно скрывалось под так называемым «освободительным» течением. Для меня ясным стал глубоко враждебный свободе и морали характер социалистических устремлений русского общества. В этом отношении русские социалисты — ответвление тех же полицейских — по существу глубоко реакционных и аморальных идеалов, какие, например, выражаются в формуле Уварова⁵. Жандармский и насильственный дух — неуважение

к человеческой личности — царит и там и здесь, и то, что победила, хотя бы временно, социалистическая интеллигенция, является следствием ошибочности прошлых государственных конструкций правящих лиц — в конце концов, они перегнули народное напряжение. Для меня не ясна твоя позиция в вопросе о присоединении Малороссии, я боюсь — под влиянием твоих статей и разговоров об Унии — не идешь ли ты по стопам украинцев в их явно тенденциозных построениях истории? Не есть ли это проявление той же публицистики другого лагеря? Ибо едва ли у тебя есть в этой области достаточные знания по первоисточникам и даже по основным большим сводкам обоих лагерей.

Я особенно хочу в твоей исторической работе, чтобы ты отошел от публицистики, взял исследование крупной исторической эпохи и дал волю твоему художественному таланту. Схемы — и в общем мертвые — сейчас заполняют обработку русского исторического прошлого. Конечно, всякий историк тенденциозен, отражает свою личность и свою эпоху — но углубленная работа над большим явлением и художественное воссоздание служат коррективом. А я боюсь, что твоя оценка чужих исторических работ (например, то, что ты не видишь слабости мысли евразийских произведений — за исключением Н.Трубецкого⁶ — или Лаппы⁷) является недостаточно научной.

Я очень рад и твоему занятию Византией и твоему желанию слушать Нидерле⁸ — но я совсем не могу понять, отчего опять ходить около? Отчего не взять главной и прямой работой татарское нашествие? Ведь опять ты уходишь в сторону и не углубляешься в предмет и нельзя изучать эпоху, беря «подготовку» — подготовка будет подготовкой только тогда, когда ты работаешь над основной задачей, — а когда ты готовишься приступить, то эта подготовка и станет настоящим делом. И ты опять разбрасываешься. Я боюсь, что ты не делаешь нужного — для большого дела — напряжения. Может быть, тема тебя не захватывает достаточно? Тогда возьми другую — но работай над главной темой, попутно готовься. Годы уходят и создается привычка напряженно работать с известной целью, зная, чего ищешь. Я много видел людей, которые благодаря этому закапывали свой талант в землю, давали не максимум, а минимум.

Нежно и горячо обнимаю. Любящий отец.

Скажи Ниночке, что ей на днях напишу. Идешь ли выписку из Ипатьевской летописи о глазках?

P.S. Об обращении к английским и американским ученым о помощи от имени комиссии мне представляется очень неудачно⁹. И так русские просят — но лично, и это лучше. Не лучше ли списаться и действовать через Виноградова, Ростовцева, Гольдера¹⁰. У ученых вообще денег ведь нет или очень мало. 1 000 долларов очень большая сумма.

¹ Городок (департамент Сены) в 20 минутах езды поездом на север от Парижа, где Вернадские отдыхали в 1924—1925 гг.

² Русская эмигрантская газета, основанная И.В.Гессеном, А.И.Каминкой и В.Д.Набоковым; издавалась в Берлине (1920—1931).

³ См.: *Вернадский Г.В.* Государственная уставная грамота Российской Империи 1820 года. Историко-юридический очерк. Прага, 1925.

⁴ Изгоев (псевдоним, настоящая фамилия Ланде) Александр (Арон) Соломонович (1872—1935) — публицист, член ЦК кадетской партии, один из основателей Лиги русской культуры, в 1922-м выслан в Германию. В конце сентября выступил в «Руле» с нападками на Г.В.Вернадского, обвиняя его в симпатии к крепостничеству. Корреспонденция Изгоева дала повод для заметки в «Ленинградской вечерней газете» о крепостнических настроениях всего съезда русских ученых в Праге.

⁵ Имеется в виду знаменитая формула министра народного просвещения и президента Петербургской академии наук Сергея Семеновича Уварова (1818—1855): «Самодержавие, православию, народность».

⁶ Трубецкой Николай Сергеевич (1890—1938) — сын С.Н.Трубецкого, лингвист, философ, публицист, один из инициаторов и идеологов евразийства. Из автокомментариев В.И.Вернадского (Москва, 6 ноября 1944 г.): «Николай Сергеевич Трубецкой — филолог, сперва изучал языки Кавказа с проф. Миллером, после Ягича занял кафедру его в Венском университете. Он является творцом идеи Евразии, которой одно время в его смысле увлекся и мой Георгий. Но в своей последней сводке он избавился от элементов мистицизма и принял понятие Евразии в географическом смысле (Ancient Russia, W., 1944). Совершенно ясно, что Европа и Азия, отчасти и Африка, представляют один континент. Мне кажется, он правильно пошел под влиянием Мих. Ив. Ростовцева, чему я очень рад» (АРАН. Ф.518. Оп.2. Д.8. Л.60б.).

⁷ Лаппо Иван Иванович (1869—1944) — историк, профессор Юрьевского университета; с 1921 в Праге, с 1932 в Литве.

⁸ Нидерле Любор (1865—1944) — выдающийся историк-славист, археолог. Чл.-кор. Петербургской АН (1906).

⁹ Речь идет о возможном обращении русских ученых по поводу субсидии на издание «Русского исторического сборника». Для изыскания средств была избрана комиссия из пяти человек, в которую входили Г.В.Вернадский, И.И.Лаппо, А.А.Кизеветтер, А.В.Флоровский, П.Б.Струве.

¹⁰ Виноградов Павел Гаврилович (1854—1925) — историк-медиевист, академик (1914). Профессор Московского университета, один из ведущих в Европе знатоков экономической истории Англии. В 1902—1908 и с 1911 проживал в Великобритании. В 1918 принял британское подданство, активно помогал русским общественным организациям в Англии. См. также: «Мы в созвездии политических волнений». Письма П.Г.Виноградова В.И.Вернадскому 1899—1904 гг. / Пуб. В.Антощенко // Ист. архив. 2002. №2. С.129—141; Ростовцев Михаил Иванович (1870—1952) — выдающийся историк античности и археолог, академик (1917). Профессор Петербургского университета; после революции — в Англии и США; Голдер Фрэнк (Golder Frank Alfred; 1877—1929) — американский историк, библиограф; профессор; первый директор Гуверовской библиотеки русской революции (Станфорд).

Г.В.ВЕРНАДСКОМУ

4 декабря 1924 г.
Bourg la Reine (Seine)

Мой дорогой,

хотя и трудно тебе писать, но все же мне так дорого общение с тобой, что я всегда жду твоих писем и стараюсь быстро тебе ответить, хотя я занят не меньше тебя и поездки у меня берут немного времени меньше, а годы мои больше. Я так ве-

рю, что ты можешь дать очень много, если не будешь разбрасываться и заставишь себя вполне научно — вне своих политических и религиозных верований — относиться к предмету твоих исканий. Вполне беспристрастным, конечно, быть нельзя — но надо не переходить какой-то границы, нельзя, чтобы читателю и вдумывающемуся в твою работу казалось, что твоя работа сходит с поля научного в область волнующих вопросов дня. Это прощается только великим произведениям, как Тациту. Конечно, в твоей работе всегда отразится твоя личность с ее верованиями, но даже и для этого надо стараться стать выше. Я все боюсь того твоего отношения, какое так ярко отразилось во внешне хорошо написанной статье об унии.

По вопросу об Украинской Академии Наук¹ ты, мне кажется, не прав. Нельзя ее сравнивать с Российской, которая и сейчас стоит вне сравнения со всеми — закордонными и внутрирусскими научными русскими организациями. И сейчас я вижу, что ее научная работа — и качественно и количественно — вполне сравнима с такими большими европейскими организациями, как Institut de France или Kaiser Wilhelm Institute. А Украинская Академия, начатая среди революции и работающая в советских условиях, все же сделала и делает большую работу, конечно, иного масштаба, это надо сознавать. Киев никогда не был очень интенсивным центром научной работы — а работа украинская — во Львове была одно время заметной только на почве украинской истории². Мне кажется, ты не справедлив по отношению к Украинской Академии. Сравни ее работу научную с работой — ну, скажем, всей русской эмиграции в Праге — но не сравнивай с такими большими учреждениями, как Российская Академия. Между прочим, среди всех стеснений — ее рост продолжается, но внутри, кажется, неважно.

Я все же с некоторым страхом смотрю на твой подход к татарам³. Конечно, старые работы часто заключают верные мысли. Но старые воззрения на Азию и Восток не могли быть верны, разве как догадка. Подход со стороны права кажется мне вообще опасным. Ведь татары долго были не мусульманами — и какие тут произошли изменения — едва ли ты сможешь оценить. Ты ведь совсем не юрист по своему укладу мысли. Книга Ламанского⁴ (кажется, в Сборнике Русского Исторического Общества) у меня в руках была. Но там для старого — XIII—XV веков ты едва ли что найдешь. Кажется, ближе были генуэзцы (Каффа). Все это материал для истории Крыма и Украйны, а не завоевания Руси. Литературу ты, конечно, найдешь и в библиографиях Крымского⁵, и у Грушевского⁶. Интересны — но, кажется, очень мало — католические данные. Кое-что есть у Beazley в истории географии⁷. Возьми историю торговли Neud'a⁸. Но все это более новое время, чем то, которое ты захватываешь.

Положение русских профессоров и студентов до июля обеспечено. После — неясно, и мне кажется, многое зависит от переменчивого будущего. Устоит ли Herriot⁹ и как сложится будущее большевистского правительства. Как будто его положение подходит к кризису.

Нежно обнимаю. Горячо любящий тебя отец.

О татарах есть любопытные данные у Драгоманова и Антоновича¹⁰: Исторические песни мало-российского народа.

¹ В.И.Вернадский был одним из основателей и первым президентом Украинской академии наук, открытой в 1918 г.

² Имеется в виду деятельность Научного общества им. Т.Г.Шевченко (Наукове товариство ім. Шевченка), созданного во Львове в 1892 г. и явившегося первой национальной украинской научной институцией академического типа. В 1903 г. В.И.Вернадский был избран членом общества. Во главе общества в разные периоды стояли М.С.Грушевский, С.Томашевский и др. Ликвидировано в 1939 г. Возобновило деятельность в эмиграции; восстановлено во Львове в 1989 г.

³ Подробнее см.: *Вернадский Г.В.* Монгольское иго в русской истории // Евразийский временник. 1927. Кн.5. С.153—164; републиковано: Наш современник. 1992. №3. С.158—164.

⁴ Ламанский Владимир Иванович (1833—1914) — известный славист, публицист, академик Петербургской АН (1900). Один из идеологических предтеч евразийства, впервые употребил термин «Евразия». Возможно, речь идет о его книге «Les secrets d'État de Venise», опубликованной в 1884 г. в «Записках историко-филологического факультета Петербургского университета».

⁵ Крымский Агафангел Евфимович (1871—1942) — востоковед, профессор Лазаревского института восточных языков в Москве, один из организаторов Всеукраинской академии наук, ее непреходящий секретарь (1918—1928).

⁶ Грушевский Михаил Сергеевич (1886—1934) — выдающийся украинский историк и общественный деятель; первый президент Украинской Народной Рады. В 1919—1924 гг. в эмиграции. Академик Всеукраинской академии наук (1923) и АН СССР (1929).

⁷ По-видимому, имеется в виду книга известного английского ученого сэра Чарльза Раймонда Бизли (1868—1955) «Early Christian Geography» (L., 1896).

⁸ Возможно, имеется в виду неоднократно издававшаяся книга: Heyd W. von (1823—1906) «Histoire de commerce du Levant au moyen-âge».

⁹ Эррио Эдуард (1872—1957) — премьер-министр Франции, установивший дипломатические отношения с СССР.

¹⁰ Драгоманов Михаил Петрович (1841—1895) — социолог, публицист, деятель украинского национально-демократического движения; Антонович Владимир Бонифатьевич (1834—1908) — украинский историк, археолог, этнограф. Один из родоначальников украинской историографии, профессор русской истории Университета св. Владимира в Киеве (с 1878). В письме упомянуто их совместное издание (Т.1—2. Киев, 1874—1875).

Г.В.ВЕРНАДСКОМУ

14 апреля 1925. Bourg la Reine (Seine)

Мой дорогой,
вчера я написал Ниночке подробно о ходе моей работы. Как ты видишь, она еще находится в неопределенном положении и двигается очень медленно. Все эти недели оставил с стороне во-

прос о давлении живого вещества, который должен войти как часть в мой отчет Фонда Розенталя¹, но который я хочу в отрывках некоторых главных выводов напечатать отдельно.

Много я думал это время над общими вопросами, связанными с религией и с положением России. Я вновь углубился в религиозные вопросы — в связи со своим отношением к идее и к чувству Божества и своим пониманием тех теологических религиозных представлений, которыми человеческая личность пытается охватить области, лежащие в своей сущности вне слов, логических выражений и конкретных образов.

Я очень не люблю высказываться по религиозным вопросам; может быть, потому, что если бы вступить в эти области душевной жизни, нужно было бы им отдаться всецело, а я захвачен другой — по моему глубочайшему убеждению — неразрывнейшим образом связанной с религиозным переживанием, но менее индивидуальной — научным исканием...

Твое предложение (которое теперь отпадает, т.к. мое письмо к Мухину напечатано) участвовать в «Евразийском Сборнике» меня заставило почувствовать конкретно, может быть, неправильность того, что я не оставляю в логических образах, на бумаге, мои мысли и переживания, связанные с религиозным бытием мира, которые никогда во мне не угасали и никогда не переставали меня захватывать с тех пор, как я себя помню. И мне хотелось высказать это тебе и Ниночке, самым мне дорогим. Может быть, я это и сделаю как-нибудь в письме к тебе и объясню, почему я никак не могу участвовать в православном сборнике. Я считаю себя очень религиозным человеком, но моя религиозная жизнь едва ли подойдет к какой бы то ни было конкретной вере, к христианству, в частности — не говоря уже об отдельных, исторически сложившихся верованиях, какими являются православие, католичество или протестантские церкви и общины... Мне с моей точки зрения распрей из-за таинств, обряды или земные выявления этих церквей кажутся очень далекими от основного содержания религиозной жизни...

Не знаю, когда у меня будут силы и время набросать в связной форме то, что в моей душе создано в этой области и выявить, почему я, не являясь христианином, в то же время отношусь с величайшим почитанием и глубоким смирением ко всем его проявлениям — не большим, впрочем, чем к другим великим отражениям религиозного бытия мира, какими являются другие великие религии, и те удивительные в этом смысле достижения, которые выявлены в Индии. Если останусь жив — может быть, эти вопросы набросаю: раньше почти никогда не думал этого делать.

Теперь мне хочется еще сказать несколько слов о другом вопросе, затронутом в письме твоём и Ниночкином. Это о моем ближайшем будущем. Есть сейчас три возможные практические пути. 1)

Продление Фонда Розенталя, 2) устройство в чешском университете и 3) возвращение в Россию — в Петербург или Киев — в среду академий.

Мне кажется — учитывая все, было бы лучше всего устроиться в Праге — но не на эмигрантском положении, а в чешском университете. Я не знаю, сможет ли Славик что-нибудь сделать. Но мои соображения сейчас следующие и они связаны для меня с вопросами нравственного характера. Я считаю себя вправе совершенно не считаться с общественной стороной жизни в тех случаях, когда этого требуют интересы более близкого и доступного мне творчества, каким для меня является научное искание. И потому, когда я подошел к тому вопросу, в котором, мне казалось, может достигнуто и именно мной, а не другим, что-то новое — я совершенно не считался с общественной стороной жизни — в широком ее понимании — по отношению к научной и культурной работе — и совсем ее оставил в стороне. Отошел от всего и весь отдался этой работе.

Если бы мне удалось организовать широкую постановку геохимической работы или исследование живого вещества — я бы также себя считал бы в этом отношении вполне правым.

Сейчас вопрос меняется. Так или иначе вопрос об элементе X, паризии или что там есть², придет к решению в ближайшее время, и в то же время ясно, что организовать исследование живого вещества или геохимическое в большом масштабе мне не удастся из-за недостатка средств. Один я здесь далеко не уйду, особенно в мои годы.

Фонд Розенталя дает мне возможность прожить в научной работе еще год и больше ничего.

При этих обстоятельствах для меня становится сомнительным правильность — вернее, не греховность — того отхода от жизни моей страны и моего народа, который я совершил в этот тяжелый период его истории.

Его моральный вес для меня меняется в этой новой выяснившейся обстановке, и, мне кажется, мне придется изменить тот образ моих действий, какого я до сих пор придерживался.

Как-то летом Ферсман³ мне писал, что он не понимает и не представляет себе научную работу, не связанную с Россией и вне России, и для него наука дорога и близка только как русская. В такой форме я с ним не согласен — но, конечно, в научной работе нельзя долгое время быть вне ее той или иной формы национального движения. Можно быть вне только, когда это оправдывается ее же — науки — интересами.

Сейчас главная научная творческая русская (и украинская) работа идет в России, и в ней в этот момент особенно дорога каждая живая сила, могущая работать. В конце концов в этой работе творится будущее России, ею создается то, что не дает возможности укрепиться в ней большевизму и создается вечная ценность, не зависящая от рамок жизни, каковы бы они ни были.

Встреча Вернадского с дочерью Ниной и внучкой Таней в Праге. 1933 г.

Я не буду на этом останавливаться — но для меня ясно, что, кто может, должен научно работать в России, ибо сейчас там идет — что бы здесь ни говорили — большое творческое строение и получаются — вопреки большевистскому укладу жизни — большие достижения.

Но я не могу не смотреть и в ближайшее будущее, и с этой точки зрения я считаю, что сейчас, в тот момент, когда создается и подымается научная славянская работа, на славянских ученых нашего времени лежит большая задача пред будущим.

Русско-украинский вопрос, мне кажется, может быть правильно решен только в славянском масштабе, и будущее русской науки может быть закреплено в Западной Европе — русская наука может получить настоящую, ей реально отвечающую силу только в этом же масштабе. И я хотел бы сейчас, если это возможно, войти в современную

славянскую научную организацию. Получить такую возможность в Праге было бы для меня важным — но для того, чтобы иметь реальную силу, я должен получить это положение не в русской (или украинской) эмиграционной организации, а в чешском университете, как Францев⁴, Кондаков и т.д. Только тогда мой голос будет иметь тот вес, который бы я хотел, чтобы он имел...

Я думаю, что благодаря Угорской Руси положение русских в Чехии и в этом отношении во многом по существу иное, чем в других славянских странах, если не брать Польши, где оно связано с борьбой иного порядка, но имеет общие черты.

Объяснять все это очень долго — и я боюсь, что многое, что я тебе пишу, может тебе показаться непонятным — но для меня ясно, что — при известном отношении к делу — сейчас здесь может быть многое создано, чего я не вижу, чтобы кто-нибудь делал, и, мне кажется, многое не создается. А между тем надо, чтобы это делалось.

15.IV.925

Возвращение в Россию — до сих пор для меня не отрезанное — связано, между прочим, с тем, что я — по всей обстановке, как оно произошло, не сделал сам ни одного шага для его изменения. Очень может быть, что это в ближайшее время выяснится. Принципиально я считаю мое возвращение вполне допустимым.

Перечитал, что я тебе написал вчера вечером, и вижу, что не выразил ясно свою мысль, а между тем переделывать нет времени. Вернусь позже.

Еще два замечания. Во-первых, я очень ясно чувствую огромную моральную ответственность, которая сейчас лежит на каждом из нас во всех таких ответственных решениях. Момент жизни страны очень серьезен, и нельзя при решении основываться на настроениях и даже своих идеалах будущего. Будущее слагается, очевидно, не так, как этого хотелось бы.

Второе это то, что общее положение науки в мире таково, что нужна организованная самостоятельность ученых. Для достижения мировой организации ученых надо быть независимо поставленным в жизни, для того, чтобы иметь возможность в ней действовать и иметь вес. В этом отношении положение русского ученого-эмигранта, зависящего от эмигрантской помощи или же находящегося в таком неопределенном положении, как я, не дает возможности поднять это дело, как я бы того хотел. Если бы я был богат или имел институт исследований живого вещества или же был

бы связан с чешским университетом — мое положение в мировой обстановке науки было бы иное. Для этой деятельности много затруднений дает и положение в России — но все же оно в этом отношении лучше положения ученого-эмигранта.

Обо многом бы хотелось написать тебе — но до другого раза. Твою статью в Сборнике Струве⁵ прочел сейчас же, как получил (Сборник (я думал, что это ты послал — кого благодарить?). И я ею в общем недоволен. Зачем было ее писать, т.к. она дает очень мало. Это черновой набросок, вроде многих статей Струве. Мне представляется основная мысль, связанная с представлением о нормах права как каких-то внеисторических формах, вредной модернизацией. Я ее еще раз перечту, но едва ли это первое неблагоприятное впечатление сгладится. Ведь все твое настроение — кажется, даже не новое в литературе — рухнет, если признать, что наши современные правовые понятия не могут быть переносимы в историческое время и среду, где они не существовали...

По поводу Евразийства хочется еще отметить, что мне представляется странным и фактически и исторически неверным отождествлять православие и Россию. Православный ли русский народ? Ведь то, что мы видим, вскрыло перед всем миром его религиозную инертность, понятную только при допущении неправильности старых представлений о его чрезвычайной религиозности... Не надо преувеличивать: огромная часть русских и России — не православные и православным надо завоевывать потерянное.

Нежно целую. И так письмо разрослось, а осталось чувство, что не высказал, что хотел.

Нежно обнимаю. Твой любящий тебя отец.

¹ Итоговый отчет задумывался как книга «La matière vivante dans la biosphère», где Вернадский впервые приводил формулы размножения жизни. Частично эти материалы вошли в его статьи на русском и французском языках, изданные в 1920-е годы. Недавно отчет опубликован: *Вернадский В.И.* Живое вещество и биосфера / Сост. Ф.Т.Яншина. М.: Наука, 1994. С.555—602.

² В.И.Вернадский предполагал возможность открытия нового химического элемента. Подробнее см.: *Трифонов Д.Н., Харитонов А.Н.* «Паризий» и «азий» Владимира Вернадского // *Вопр. истории естествознания и техники.* 1995. №1. С.146—150.

³ Ферсман Александр Евгеньевич (1883—1945) — минералог, один из основоположников геохимии, ученик и коллега Вернадского. Академик РАН (1919)

⁴ Францев (Францов) Владимир Андреевич (1867—1942) — историк, профессор Варшавского университета, в эмиграции жил в Чехословакии

⁵ См.: *Вернадский Г.В.* Замечания о юридической природе крепостного права // *Сб. ст., посвящ. П.Б.Струве.* Прага, 1925.